

3. Кордоны на дорогах (1955–1958 гг.)

В течение 1954, 1955 и первой половины 1956 гг. были сняты с учета по спецпоселению, но без права возвращения к прежним местам жительства, все немцы, крымские татары, калмыки и балкарцы. Под подозрением у власти дольше других находились карачаевцы, чеченцы и ингуши. Правда, «поблажки», как мы помним, были сделаны и им 9 мая 1955 г. Постановлением Президиума ЦК КПСС были ликвидированы ограничения для членов КПСС¹. Все эти принципиальные и в меру осторожные политические действия совпали по времени с массовым

¹ См.: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 41–56.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 37.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 41–56.

приливом нового населения в районы освоения целинных и залежных земель. В бурлящем котле социальных страстей и групповых конфликтов возникли новые потенциально конфликтные группы освобожденные от полицейского контроля, но лишенные (до 1957 г.) права вернуться на родину репрессированные народы. Сегодня можно только предполагать, в каком направлении развивалась бы конфликтная ситуация на целине, если бы за снятием ограничений по спецпоселению довольно быстро не последовало другое решение о восстановлении автономий большинства депортированных народов (кроме немцев Поволжья и крымских татар), что несколько разрядило ситуацию.

Судьба чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе какое-то время висела на волоске. Во всяком случае, «главный полицейский» страны, новый министр внутренних дел Дудоров, позволил себе весьма скептически отозваться о перспективах чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. Будучи «варягом», человеком, пришедшим в «органы» извне, но зато близким к новому руководству страны, Дудоров, очевидно, почувствовал колебания в ЦК КПСС. Может быть, поэтому он и стал доказывать нецелесообразность восстановления чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. «Учитывая, что территория, где проживали до выселения чеченцы и ингуши, - писал Дудоров в июне 1956 г., в настоящее время в основном заселена, возможность восстановления автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий». Взамен предлагалось чисто бюрократическое решение создать автономную область (даже не республику) для чеченцев и ингушей на территории Казахстана или Киргизии¹.

В конце концов, проект новичка-министра не понравился Хрущеву. Это и неудивительно. Даже с чисто утилитарной, полицейской, точки зрения оставлять чеченцев и ингушей в Казахстане, в районах массового освоения целинных и залежных земель, а только там были свободные

¹ Реабилитация: как это было... С. 216.

территории для организации автономии, было не менее опасно, чем возвращать их на родину. В Казахстан постоянно прибывали новые пополнения целинников и строителей, обстановка там становилась все более взрывоопасной. Уже разразились первые насильственные конфликты на этнической почве, наиболее активными участниками которых были приезжие русские и чеченцы. Обладая высокой внутренней самоорганизацией, сохраняя и в ссылке традиции мюридов (иерархически организованные мусульманские религиозные братства, а перед войной в Чечено-Ингушской АССР в них, по оценке НКВД СССР, состояло около 20 тысяч человек²) эти этносы, только что пережившие стресс депортации и ссылки, на натиск новой переселенческой волны из России в Казахстан были способны ответить (и в ряде случаев ответили) встречной агрессией.

По своей форме насильственные этнические конфликты с участием вайнахов мало чем отличались от обычных для целинных и новостроечных районов коллективных драк, массового хулиганства, столкновений соперничавших молодежных группировок. В ряде случаев чеченцы и ингуши были очевидными жертвами агрессии со стороны пришельцев, в других инициаторами столкновений. До серьезных этнических волнений и беспорядков дело на казахстанской целине обычно не доходило. В двух известных нам конфликтах русских с чеченцами и ингушами представители репрессированных народов выступали еще в качестве спецпоселенцев (декабрь 1954 г.), причем дополнительным мобилизующим фактором для русских участников коллективной драки в селе Елизаветинка (Акмолинская область Казахской ССР) стали политические обвинения в адрес чеченцев. Их учащиеся школы механизации называли не иначе как «предателями и изменниками родины»³. Других подобных случаев «политической» мобилизации русских участников этнических столкновений в Казахстане, насколько нам известно, не было. Безо всякого политического «аккомпанемента» прошла, например, в мае 1955 г. драка русского

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 125–127.

² См.: ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.925.

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 451. Л. 373.

рабочего, мобилизованного на работу в угольную промышленность, со спецпереселенцем-чеченцем в г. Экибастузе (Павлодарская область Казахской ССР). Личный конфликт вылился в пьяный чеченский погром, переросший в нападение русских хулиганов на помещение милиции, где укрылись от нападения чеченцы¹.

16 июля 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР снял ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны. Отмена административного контроля не давала, однако, права ни на возвращение имущества, конфискованного при выселении, ни на возвращение на родину. Между тем чеченцы и ингуши уже рвались на землю предков. Под разными предлогами они стали самовольно возвращаться на Северный Кавказ. Остановить этот порыв можно было разве что силой. На это хрущевское руководство не могло пойти по политическим причинам только что Хрущев в секретном докладе на XX съезде КПСС разоблачил преступления Сталина, в том числе и насильственную депортацию народов. Действуя осторожными полицейскими мерами, увещеваниями и обещаниями скорого восстановления автономии, власти сумели на какое-то время остановить волну самовольного возвращения чеченцев и ингушей на Северный Кавказ.

9 января 1957 г. Президиумы Верховного Совета СССР и РСФСР восстановили наконец чечено-ингушскую автономию и определили ее территориальное устройство. Запрет на возвращение на родину был отменен. Для организации репатриации был создан специальный Оргкомитет, который до выборов Верховного Совета АССР должен был заниматься «хозяйственным и культурным строительством» на территории республики¹. Показательно, что после этого политического решения этнические конфликты на целине с участием чеченцев и ингушей практически прекратились до лета 1958 г. Однако напряженность ситуации сохранилась и даже усилилась. Как сообщал министр внутренних дел СССР Н. Дудоров секретарю ЦК КПСС Л.И.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 464. Л. 262.

Брежневу, с наступлением весны начался стихийный массовый выезд чеченцев и ингушей в Чечено-Ингушскую и Северо-Осетинскую АССР люди боялись пропустить время весенних сельскохозяйственных работ. В марте 1957 г. в Чечено-Ингушскую АССР самовольно прибыло 404 семьи, за 2 дня апреля — 80 семей, вскоре было задержано на железных дорогах более 500 человек. Все они уже распродали свое имущество и действовали вполне законно. Руководители хозяйственных организаций, МТС и колхозов беспрепятственно увольняли их с работы, местные советские учреждения без колебаний снимали с учета, а железнодорожная администрация продавала проездные билеты.

Чеченцы и ингуши стремительно и неорганизованно покидали места ссылки. Но по дороге они наталкивались на милицейские кордоны. В городах и пристанционных поселках скопилось большое количество неустроенных и нетерпеливых людей. В Джамбульской области, прежде всего в областном центре, в апреле 1957 г. не работало около 5 тысяч чеченцев и ингушей - более 50 % трудоспособных. В Восточно-Казахстанской области пропорции были те же. В Карагандинской области, где находилось 30 тысяч чеченцев и ингушей, значительная часть также осталась без работы². А тут еще милиция вернула в город 613 чеченцев и ингушей, принудительно снятых с поездов. Все они уже продали свои дома и отправили личные вещи на Кавказ. 413 человек разместились прямо на вокзале, 200 - отказались выходить из вагонов и требовали немедленной отправки на родину. Возле здания Карагандинского обкома партии ежедневно собирались большие толпы чеченцев и ингушей, останавливали машины секретарей обкома партии и требовали, чтобы им разрешили свободный проезд³. В дополнение ко всему, агентура МВД сообщала, что все чеченцы и ингуши готовятся выехать к местам прежнего жительства в мае-июне. Можно было ожидать массовых беспорядков. Оставшиеся без жилья и работы, застрявшие на полпути домой люди временно оказались в положении маргиналов.

¹ ГА РФ. Ф.А-385. Оп. 13. Д. 854. Л. 106.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.490. Л.279-280.

³ См.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 490. Л. 295.

Несмотря на очевидно конфликтную ситуацию, никаких открытых столкновений не произошло, что можно считать проявлением достаточно высокой самоорганизованности этноса в ситуации социального стресса. Дело ограничилось традиционными формами девиантного поведения. «Не занятые общественно-полезным трудом, - писал по этому поводу Дудоров, - лица чеченской и ингушской национальностей ведут себя вызывающе, совершают дерзкие уголовные преступления и нарушают общественный порядок, что вызывает справедливое возмущение трудящихся»¹. Но к подобным явлениям в целинных городах и поселках давно привыкли.

Главное, что московское руководство явно просчиталось в бюрократических прогнозах чеченцы и ингуши не стали смиренно ждать «команды на возвращение». Другие этносы, автономия которых была восстановлена одновременно с чечено-ингушской, вели себя более «законопослушно», хотя, собственно говоря, никаких законов, вообще никаких юридических решений, которые бы препятствовали немедленному выезду, не было. Органы МВД, задерживая чеченцев и ингушей на станциях и снимая их с поездов, действовали на свой страх и риск. Это был ничем не прикрытый произвол, который, может быть, и основывался на здравом смысле бюрократов, но решительно никаких юридических оснований под собой не имел. Занятое полицейскими проблемами, советское руководство, казалось, даже не заметило, что вместо «обычных» стихийных беспорядков и насильственных конфликтов оно столкнулось с явлением более существенным. Весенние события 1957 г. грозили реанимировать вековой конфликт между «империей» и этносом, придать ему новое звучание, усилить новыми обидами.

МВД СССР, уже вставшее на путь произвольных административных решений, по крайней мере, добивалось от местных партийных властей предоставления временного жилья и работы задержанным в дороге вайнахам, а у ЦК КПСС просило:

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.490. Л.295.

«1. Еще раз дать указание ЦК КП Киргизии и Казахстана о трудоустройстве бывших спецпоселенцев, запрещении увольнения их с работы, снятия с партийного, комсомольского и воинского учетов в тех случаях, когда не имеется разрешения оргкомитета на выезд их к прежнему месту жительства.

2. Поручить ЦК КП Киргизии и Казахстана, а также оргкомитету разъяснить всем бывшим спецпоселенцам, что их выезд к прежнему месту жительства без разрешения оргкомитета будет рассматриваться как нарушение установленного порядка переселения и повлечет за собой принудительный возврат к местам бывшего поселения.

3. Дать указание Министерству путей сообщения СССР о продаже проездных билетов и перевозке багажа бывших спецпоселенцев чеченской и ингушской национальностей, возвращающихся к прежнему месту жительства, только при наличии на этот счет разрешения оргкомитета.

4. Разрешить учреждениям внутренних дел лиц чеченской и ингушской национальностей, возвращающихся к прежнему месту жительства без разрешения оргкомитета, задерживать, снимать с поездов, пароходов, других видов транспорта и возвращать к местам бывшего поселения»¹.

Все это было вынужденной полицейской импровизацией. ЦК КПСС ее тем не менее поддержал. У московского начальства были свои резоны. Оно оказалось как бы между двух огней. Чеченцы и ингуши, распродавшие дома и часть имущества, ушедшие с работы и сидевшие на чемоданах в конфликтной целинной зоне, представляли собой потенциально дестабилизирующий фактор на целине. Однако и на Северном Кавказе складывалась напряженная ситуация - массовое и стихийное возвращение вайнахов к родным очагам застало власти врасплох. Центр этнических конфликтов начал перемещаться в чеченские районы, где все чаще вспыхивали конфликты между вайнахами и переселенцами, занявшими после 1944 г. их дома и земли. Неуклюжие импровизации начались и там. Выбор был сделан из двух

¹ Там же.

зол - чеченцев и ингушей предпочли задержать на целине, где уже было «налажено» полицейское обеспечение «организованного переселения».

Чтобы остановить стихийный поток «возвращенцев», понадобилась широкомасштабная операция. 8 апреля 1957 г. министр внутренних дел СССР Н.П. Дудоров доложил секретарю ЦК КПСС Н.И. Беляеву: «... были приняты меры к немедленному прекращению этого переезда, задержанию переезжающих без разрешения Организационного комитета и возвращению их к местам бывшего поселения.

В результате принятых мер дорожными отделами милиции при помощи территориальных учреждений внутренних дел к утру 8 апреля неорганизованное передвижение чеченцев и ингушей по железным дорогам было прекращено.

За 5, 6 и 7 апреля на Казанской, Куйбышевской, Уфимской, Южно-Уральской, Оренбургской, Ташкентской, Ашхабадской и некоторых других дорогах в поездах было выявлено и задержано 2139 человек. Всем задержанным переоформлены проездные билеты для обратного проезда, и к утру 8 апреля 1876 человек были отправлены с пассажирскими поездами к местам бывшего их поселения». «В целях предотвращения неорганизованного переезда спецпоселенцев» все пассажирские поезда, идущие из Киргизии и Казахстана, проверялись оперативными заслонами транспортной милиции. По сообщению министров внутренних дел Киргизии и Казахстана, ими были «приняты все меры к тому, чтобы не допускать увольнение бывших спецпоселенцев с работы, не снимать их с воинского учета, не выписывать из домовых книг и не продавать им проездные билеты»¹.

Вместе с тем министр внутренних дел Казахской ССР доложил, что в областных центрах республики уже скопилось большое количество чеченцев и ингушей, «которые уволились с работы, продали свое имущество и настойчиво добиваются выезда к прежнему месту жительства»¹. Положение обострялось тем, что в деятельность Оргкомитета, который собственно и должен был ввести процесс

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 490. Л. 284.

стихийного возвращения в берега административного контроля, обнаружились серьезные злоупотребления и факты коррупции. Раздача пропусков, т.е. официальных разрешений на выезд, как сообщалось в одной из жалоб, присланных Председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину (август 1957 г.), «была организована с тем расчетом, что ставленники оргкомитета, да и сами они, изрядно наполнили свои чемоданы деньгами - один пропуск ими продавался в среднем за 2 тысячи рублей. Но зато трудовому чечено-ингушскому народу эти преступно-жульнические проделки обошлись очень дорого - они вновь, это во второй раз, были обездолены и разорены. «Во время нашего выселения Берия и то не нанес такой большой материальный ущерб нашему народу, как нынче нанес нам Оргкомитет Чечено-Ингушской АССР», - говорят чеченцы и ингуши»². (Кроме того, среди чеченцев и ингушей было распространено мнение, что некоторые члены оргкомитета, бывшие руководители Чечено-Ингушской АССР, являлись соучастниками депортации). Судя по реакции Отдела советских органов Совета министров РСФСР, злоупотребления в оргкомитете действительно имели место³. Виновные получили партийные взыскания. Но оргкомитет, злоупотребления которого были многократно преувеличены слухами, уже потерял доверие вайнахов и не мог контролировать ситуацию. Ему не помогли даже попытки опереться на авторитетных стариков и членов семей шейхов.

Массовое бегство продолжалось. Его не остановили и попытки подкрепить полицейский произвол массовой пропагандой и экономическими стимулами - право на получение довольно значительной ссуды на строительство домов, приобретение крупного рогатого скота и т. п. имели только те бывшие спецпоселенцы, которые возвращались «в организованном порядке»⁴. В конце концов, проблема

¹ Там же.

² См.: ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9230. Л. 27–29.

³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9230. Л. 26.

⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 910. Л. 142–144. Согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 12 апреля 1957 г. «О предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим и служащим, возвращающимся в Чечено-Ингушскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкую и Карачаево-Черкесскую автономные области Ставропольского края, а также в Дагестанскую АССР и некоторые районы Северо-Осетинской АССР, Астраханской и

приобрела политическое значение, но решать ее пытались по-прежнему полицейскими мерами. 10 июня 1957 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О самовольных переездах семей чечено-ингушей в район города Грозного». Немедленно после заседания Президиума ЦК КПСС МВД отдало указания министрам внутренних дел Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской СССР и РСФСР. Прежде всего, опасались возникновения беспорядков и эксцессов на железных дорогах, где в эшелонах и отдельных вагонах скопилось к тому времени немало людей. На всех крупных железнодорожных станциях на пути репатриантов установили милицейские заслоны. Однако ограничительные меры, разработанные МВД СССР в июне 1957 г., оказались малодейственными. Несмотря на кордоны, движение «неорганизованных» чеченцев и ингушей из Казахстана и Киргизии на родину продолжалось. Так в августе 1957 г. на территорию Чечено-Ингушской АССР прибыло ...более 4000 человек, из них значительная часть без разрешения Оргкомитета¹.

Тогда из Москвы последовала команда принять дополнительные «срочные меры». 6 сентября 1957 г. появилась на свет директива № 294 министра внутренних дел СССР «О мероприятиях, препятствующих неорганизованному переселению чеченцев и ингушей в ЧИАССР». В ней говорилось, что «за последнее время МВД Казахской, Киргизской ССР и дорожные отделы милиции Туркестано-Сибирской, Карагандинской и Ташкентской железных дорог ослабили работу по недопуску неорганизованного проезда чеченцев и ингушей на Северный Кавказ». Более того, «некоторые начальники управлений внутренних дел краев и областей ... не выполняли приказы МВД СССР по этому вопросу» и даже

Ростовской областей», вернувшимся выдавались кредиты на строительство домов в размере до 10 тыс. рублей на семью, до 3 тыс. рублей - на ремонт домов и надворных построек, которые они получали от колхозов и совхозов, а особо нуждающимся семьям до 1500 рублей «на приобретение коров или другого крупного рогатого скота». Погашение кредитов начиналось с третьего года вселения в построенные и отремонтированные дома и приобретения скота.

Возвращающиеся колхозники в год переселения освобождались также от уплаты сельскохозяйственного налога и обязательных поставок государству. В постановлении специально оговаривалось, что все эти льготы распространяются только на тех, кто возвращается на родину в организованном порядке. Оргкомитету по ЧИАССР было разрешено также «оказывать единовременную помощь отдельным наиболее нуждающимся семьям в размере, не превышающим 500 рублей». (Реабилитация: как это было. С. 247-248).

¹ См.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 4. Л. 65.

запрещают «снимать с поездов незаконно едущих чеченцев и ингушей, возвращать их обратно и обязывали милицию отправлять снятых с поездов бывших спецпоселенцев в Чечено-Ингушскую АССР»¹. По-видимому, представители милицейской власти на местах просто не знали, что делать с рвущимися на родину вайнахами, полагая за благо «попустительствовать» неорганизованному выезду, чтобы поскорее избавиться от больной проблемы. Не случайно министрам внутренних дел Казахской и Киргизской ССР, под личную ответственность, предлагалось запретить органам милиции выписку чеченцев и ингушей из домовых книг, не допускать неорганизованной их отправки в Чечено-Ингушскую АССР².

По плану переселения, принятому Советом Министров РСФСР в 1957 г. в Чечню и Ингушетию должны были вернуться около 17 000 семей – 70 тысяч человек. Возвращение в Северо-Осетинскую и Дагестанскую АССР вообще не планировалось. Но, когда в середине года (1 июля 1957 г.) подсчитали, сколько на самом деле чеченцев и ингушей прибыло на родину, оказалось, что уже вернулось в два раза больше, чем было запланировано: - 33 227 семей (132 034 чел.) в ЧИАССР, 739 семьи (3501чел.) - в Северо-Осетинскую АССР, 753 семьи (3236 чел.) в Дагестанскую АССР³. В результате первой массовой волны репатриации на родину в 1957 г. возвратилось свыше 200 тысяч чеченцев и ингушей - против запланированных 70 тысяч!

В 1958 г. процесс репатриации (легальной и нелегальной) ускорился. Практика насильственного ссаживания с поездов стала вызывать не только недовольство самих вайнахов. Многие пассажиры, видя, как снимают с поездов чеченцев и ингушей, ехавших без разрешений, выступали в защиту переселенцев¹. Одновременно появились признаки растущей нервозности остававшихся на целине вайнахов. В июне 1958 г. нескольких механизаторов зерносовхоза им. Маяковского (Есильский район, Акмолинской области), которых обвинили в попытке изнасилования чеченских девушек, начала избивать группа

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9230. Л. 34 – 40.

чеченцев. За насильников вступились некоторые рабочие совхоза. В завязавшейся драке, которая продолжалась приблизительно пять часов – до полуночи, приняли участие около 100 человек. Директору совхоза, пытавшему остановить разрастание конфликта, были нанесены побои, а пятеро участников драки получили ножевые ранения².

В июле 1958 г. МВД СССР доложило ЦК КПСС и Совету министров СССР еще о двух кровавых драках: в г.Акмолинске - между студентами Ростовского института железнодорожного транспорта, возвращавшимися из ресторана, и ингушами (один из студентов был убит) и в пос. Каражал Жана-Аркинского района Карагандинской области – между рабочими, прибывшими по комсомольским путевкам из Белорусской ССР и Воронежской области, и чеченцами. Во второй эпизод было вовлечено около 150 молодых рабочих, решивших отомстить чеченцам за своего избитого накануне в клубе товарища. Четверых чеченцев рабочие избили, погрузили в машину, отвезли к себе в палатку, где продолжили избиение³. Не таким массовым, но более кровавым (один из русских участников драки получил смертельное ранение) было столкновение русской и чеченской молодежи на танцплощадке в городе Ленгере Южно-Казахстанской области в ноябре 1958 г.⁴.

Во второй половине октября 1958 г. Чечено-Ингушский обком КПСС и Совет Министров Чечено-Ингушской АССР обратились в Совет Министров РСФСР с просьбой дополнительно вернуть в республику около 50 тысяч чеченцев и ингушей⁵. Пока раскручивалась государственная машина принятия решений – время шло – и переезд чеченцев и ингушей отодвинулся на самое неблагоприятное для подобных мероприятий время – на зиму – на декабрь. Быстрее всех отреагировало МВД СССР. Уже в ноябре 1958 г. был разработан план мероприятий, основная задача которого - организовать перевозку и

¹ ГА РФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.467. Л.168.

² ГА РФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.498. Л.163.

³ ГА РФ. Ф.Р-9401. Оп.2. Д.498. Л.379-380.

⁴ ГА РФ, Ф.9401, Оп.2, Д.500. Л.162.

⁵ См.: ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1007. Л. 1.

предотвратить неорганизованное переселение¹. Другими словами, органы МВД СССР продолжали ловить и задерживать беглецов. За месяц (с 20 ноября по 19 декабря 1958 г.) было снято с поездов и возвращено к прежнему месту жительства 425 чеченцев и ингушей, пытавшихся выехать без разрешения в Чечено-Ингушскую АССР². Несмотря на это отдельные группы чеченцев и ингушей добирались даже до аэропортов соседних с Казахстаном и Киргизией республик и там фраговали самолеты до Баку³.

Для организованной отправки чеченцев и ингушей было подготовлено 20 эшелонов: 17 – из Казахской ССР, 3 – из Киргизской ССР⁴. Но по графику отправить эшелоны не удалось: выделенные вагоны не соответствовали требуемым санитарным требованиям, грузовые вагоны, платформы и контейнеры под личное имущество подавались несвоевременно. Управление Казахской железной дороги неожиданно отдало начальникам станций распоряжение: потребовать у репатриантов, уже сидевших в вагонах и ожидавших отправления, санитарные справки. Раньше об этих документах не было речи. В результате подобных организационных неурядиц переселение части лиц, значившихся в списках 1958 г., пришлось перенести на март 1959 г. 2384 семьи сами отказались от выезда в декабре⁵.

К весне 1959 г. большинство вайнахов уехало. Оставшиеся, а их в сентябре 1960 г. было еще около 120 тысяч человек, должны были вернуться на родину не позднее 1963 г.¹. В их числе оказались будущие жертвы жестокого ингушского погрома и массовых беспорядков в городе Джетыгара Кустанайской области Казахской ССР.